

Бродский крупным планом

«**ЕСЛИ БЫ** вы только знали, как я счастлив наконец показывать Венецию русским!» — говорит Иосиф Бродский («Прогулки с Бродским»; авторы Елена Якович, Евгений Рейн и Алексей Шишкин). Любимый город поэта Венеция — своего рода метафора вечности, времени, культуры. Поэт читает стихи, рассказывает о себе. Рассказ нестройный, ассоциативный. Зарубежье и Россия переплетаются в нем, как нити замысловатого узора. Поэт говорит о языке: людей объединяют средства лингвистические, а не политические, вспоминает лагерный эпизод, иллюстрируя собственную мысль о разнице между культурой и жизнью нации, рассказывает об Острове Мертвых, где похоронены Дягилев и Стравинский, приглашает посмотреть, как кладут гроб в гондолу, показывает стену венецианского арсенала...

Точно найденная интонация свободного, незаданного разговора с поэтом, виды Венеции, плавно переходящие в пейзажи Санкт-Петербурга, водная гладь венецианской лагуны, переливающаяся в дождливое пространство города на Неве, бесконечно волнующая музыка Вивальди (Доницетти, Чимарозы, Бише) — все органично и внятно, изысканно и печально.

В отдалении от России («Всякому писателю нужен элемент отстраненности, чтобы его писательский стол стоял на отшибе») он, трезво осознавая современную и не только современную ситуацию в стране, отчетливо формулирует основу ее трагедии: она — «в колоссальном неуважении человека к человеку, если не в презрении». Поэт, разумеется, не дает рецептов, но уверен, что невозможно жить разрушающей иронией, сострадание способно спасти, на сегодня его нет ни в политической жизни, ни в культуре. Однако он знает, что все-таки «в обществе есть общий знаменатель — готовность любить всех и каждого».

Мне дорого его признание в конце фильма: «Я не с победителями и не с побежденными, а как «лесной брат» с примесью античности и мировой литературы. При всех этих делах, которые происходят в мире и в России, чувствуешь себя в сильной степени на отшибе».

Антонина КРЮКОВА

Незабываемая зап. - 1994. - 13 авг. - с. 5.